

ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛИТИКИ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ В РОССИИ (исторические и теоретические аспекты)

Сложности современного экономического процесса в России, сопровождающегося многочисленными проблемами, заставляют задуматься над тем, какие перспективы ожидают страну и какие действия в данной ситуации будут ближе к оптимальным. Вопросы эти возникают в нашей истории не впервые, однако необходимость углубленного анализа экономической ситуации от этого не уменьшается. Не претендуя на полноту оценок, мы попытаемся рассмотреть некоторые теоретические и исторические аспекты современных экономических проблем России.

Первое, что представляется совершенно очевидным, это то, что в России происходит переход от одной экономической системы к другой. Исходным пунктом здесь оказывается административная экономика, основные особенности которой определяются тем, что государство в ней является *доминирующим* хозяйственным агентом, принимающим решения по определению основных потребностей общества и его членов, по установлению целей и параметров развития хозяйства.

Такая система характеризовалась жесткостью, что позволяло концентрировать усилия общества для быстрого достижения целей на отдельных направлениях и обеспечивать устойчивое функционирование в условиях неблагоприятных изменений во внешней среде (например, в период войн или кризисов мирового хозяйства). Однако решения государства по комбинированию ресурсов нередко оказывались очевидно неоптимальными. Играло роль то, что ресурсы вовлекались в производство в основном экстенсивными способами. Ниже мы остановимся на этом, пока же отметим, что о существовании *Х-неэффективности* в советской экономике свидетельствовало, например, то, что производительность труда в промышленности СССР составляла 54% (1988г), а в сельском хозяйстве - 16% (в среднем за 1981-1987гг) от соответствующих показателей США.¹ Эти данные, наряду с другими, свидетельствуют, что действовавшая в СССР директивная система не только не позволяла решить задачи создания действительно гармоничных общественных отношений, но и обуславливала самой своей сущностью отставание по многим ключевым показателям от систем, которые предполагалось превзойти во всем.

Однако если вернуться к вопросу о направленности процесса трансформации российской экономической системы, то придется признать, что определение цели этого процесса сложнее, чем определение исходной ситуации.

Большая группа российских экономистов придерживается установки на создание смешанной экономики, сочетающей государственные и рыночные способы взаимодействий хозяйственных агентов, поскольку именно такие системы в наибольшей степени соответствуют характеру современного глобального процесса перехода от индустриальной эпохи к постиндустриальной.

В таких системах в процессе обработки информации о потребностях и производственных возможностях общества, а значит и о хозяйственных решениях, активно задействованы субъекты разного уровня. На микроуровне деятельность индивидов предполагает самостоятельное принятие решений ими по поводу собственных потребностей и производственных потенциалов. На уровне государства учет индивидуальных предпочтений неэффективен и практически невозможен. С другой стороны, освоение информации и принятие решений по поводу потребностей и возможностей общества в целом из-за высоких трансакционных издержек неосуществимо на микроуровне. Поэтому данная функция переходит к государству, что позволяет системе как целостной макроэкономической единице эффективнее интегрироваться в мирохозяйственные связи, приспосабливаться к внешней среде.

Важным является и то, что в таких системах взаимодействия между субъектами как одного, так и разных уровней осуществляются главным образом в форме равноправного и избирательного обмена. А это не только усиливает стимулы к эффективному хозяйствованию, но и позволяет ослабить или нейтрализовать многие противоречия.

Наибольшую сложность в анализе смешанных систем сегодня представляют проблемы нахождения оптимальных пропорций между рыночными и государственными формами координации хозяйственной деятельности и определения конкретных методов централизованного воздействия на рынок. Практика показывает, что однозначного решения отмеченных проблем нет. Поэтому экономистам, считающим, что российские реформы должны быть направлены на создание смешанной системы, необходимо уделять данным проблемам самое пристальное внимание. Однако приходится констатировать, что смешанные «информационные» экономики во многих работах отечественных авторов сегодня выступают часто в качестве идеала, мало отличающегося от недавних описаний коммунистического будущего.²

Другие экономисты к идее создания смешанной системы относятся настороженно, эти системы предполагают обязательно активную экономическую роль государства. Целью, по их мнению, должно быть создание системы, в которой максимально задействована рыночная

конкуренция
вающаяся фу
рожа». До со
государству б
или косвенно
вы, чреватые

Однако
гда и нигде в
радикальным
ке нацеленно
реход к име
тализму», все
шагнул. Мног
реформ более
прочего, така
реформы пр
новых инстит
рыночной эк
особенно для
ственных нор
тельной мере
обилие отриц
нашем общес

Данны
аспектам. В
ния экономик
уяснить ряд
тему? Какие
свои функции
страивать сис

Этим
Общим в раб
ров, видится
плохую адми
на. Напроти
отечественн
торов в качес
пропорции в
валось испри
сии на рубеж
хозяйство, с
реализацию

конкуренция и минимизирована роль государства, в идеале ограничиваемая функциями антимонопольного контролера и «ночного сторожа». До создания основ такой системы попытки предоставления государству более или менее широкой сферы экономики для прямого или косвенного воздействия воспринимаются ими как опасные рецидивы, чреватые возвратом к тоталитаризму.³

Однако проблема здесь не в том, что чистой конкуренции никогда и нигде в действительности не было (факт, признаваемый самими радикальными сторонниками рынка), а в том, что в российской практике нацеленность на «чистый» рынок воспринимается многими как переход к имевшему место в исторической реальности «дикому капитализму», все тяжелейшие противоречия которого Запад давно перешагнул. Многие, при этом, полагают, что именно либеральная практика реформ более всего и чревата возрождением тоталитаризма.⁴ Помимо прочего, такая позиция основывается на том факте, что радикальные реформы предполагают быстрое изменение системы, а утверждение новых институтов, необходимых для нормального функционирования рыночной экономики, происходит очень медленно. И это естественно, особенно для неформальных институтов (например, традиций и нравственных норм общества). Неучет этих обстоятельств сегодня в значительной мере обуславливает высокий уровень транзакционных затрат, обилие отрицательных внешних эффектов, усиление неравенства в нашем обществе и т.д.

Данные обстоятельства заставляют обратиться к историческим аспектам. В частности, анализируя современный процесс преобразования экономической системы в нашей стране, необходимо отчетливо уяснить ряд вопросов. Что породило в России административную систему? Какие условия способствовали ее утверждению? Что породило сбои функционирования директивной экономики, заставившие перестраивать систему?

Этим вопросам в последние годы уделено много внимания⁵. Общим в работах на эту тему, независимо от идейных позиций их авторов, видится то, что в них отвергнут тезис о «списывании» вины за плохую административную систему на злую волю Сталина или Ленина. Напротив, признается глубокая обусловленность данного факта отечественной истории. В сложной совокупности анализируемых факторов в качестве главного, думается, следует выделить глубокие диспропорции в отраслевой структуре хозяйства страны, которые требовалось исправить в короткий срок. С одной стороны, в экономике России на рубеже XIX-XX вв. основным сектором было отсталое сельское хозяйство, с другой - требовалось завершить дорогостоящую индустриализацию для дальнейшего развития наравне с передовыми страна-

ми. Решение этой задачи в условиях обычной рыночной системы было практически невозможно, ибо многие виды хозяйственной деятельности достигают минимального эффективного размера при очень крупных масштабах производства (особенно это характерно для тяжелой индустрии). В условиях свободной конкуренции концентрация ресурсов может быть достигнута лишь в течение длительного времени. Поэтому угроза углубления экономического отставания России от передовых стран потребовала иных способов концентрации ресурсов.

Заметим, что необходимость структурного «рывка» возникла в России на рубеже XIX-XX вв. не впервые. «Скачкообразная» траектория долгосрочной экономической динамики вообще типична для нашей страны. До XIX в. наиболее ярким примером был петровский период, а в советское время задачи догнать и перегнать то по одним, то по другим показателям развитые страны возникали постоянно. Еще раз подчеркнем, что исправить быстро глубокие диспропорции без централизованной мобилизации ресурсов, направляемых в определенное русло, практически невозможно. Рынок легко справляется с незначительными отклонениями от равновесия. Прямое государственное вмешательство в таких случаях чаще усугубляет ситуацию. Но когда диспропорции значительны, то наоборот, рынок усиливает разбалансированность, что проявляется в сокращении производства, росте безработицы и т.д. В конечном счете, Кейнс утверждал то же, хотя методы государственного вмешательства им предлагались принципиально иные, нежели в директивных экономиках. Кейнсианские методы по сути - рыночные и предназначены для того, чтобы приблизить рынок к оптимальному равновесию.

В России же рыночной системы, сопоставимой по степени развитости с системами западных стран, постепенно формировавшихся все свои экономические структуры, вообще никогда не существовало. Поэтому возникшая еще во времена монгольского ига необходимость сокращения разрыва с другими странами превратилась в закономерность. После каждого рывка, осуществляемого за счет мобилизации *всех* ресурсов (причем ресурсы вовлекались в основном экстенсивно), экономика России вновь начинала отставать, ибо наличных свободных ресурсов для дальнейшего роста, как правило, уже не было, энтузиазм иссякал, жесткое принуждение угрожало потерями и без того ставших дефицитными людских ресурсов, а механизмов, позволяющих реагировать на эволюционное изменение потребностей и производственных ресурсов, в периоды мобилизационных рывков не создавалось, напротив, даже зачатки таких форм нередко уничтожались.

На рубеже XIX-XX вв. данная закономерность «сработала» вновь, причем к 1917 г. она обозначилась очень отчетливо, оформившись в государственно-монополистический капитализм, ставший «полнейшей материальной предпосылкой социализма». Большевикам

оставалось только взять власть. Обращение к НЭПу после гражданской войны вовсе не нарушало этой тенденции. НЭП был лишь средством для быстрого восстановления довоенной структуры, прежде всего сельского хозяйства, которое стало потом источником накопления для индустриализации. Кроме того, в данный период активно шло утверждение форм, типичных для административной системы⁶.

Обратившись к новейшему периоду, мы увидим, что в середине 80-х гг проблема структурного дисбаланса обострилась вновь, но совершенно в ином качестве, нежели в первой трети XX в. Страна, создавшая мощную индустриальную базу, достигшая военного паритета с Западом и многого другого, стала снижать темпы экономического роста, что в который раз начало угрожать новым отставанием от капиталистического мира и потерей достигнутых дорогой ценой позиций. Структура народного хозяйства характеризовалась теперь перекосом в сторону ВПК и сырьевого сектора. В середине 80-х гг. доля отраслей группы «А» превысила 75% в структуре промышленного производства;⁷ расчеты, альтернативные официальным, показывают, что эта доля составляла как минимум 85% против 55-65% в ведущих капиталистических странах.⁸ Промышленные отрасли группы «Б» характеризовались высокими издержками, низким качеством выпускаемой продукции и почти полным отсутствием реакции на изменение потребностей населения.

Однако прежде чем рассмотреть влияние этого фактора на созревание «застойной» ситуации, вылившейся затем в открытый кризис, обратим внимание еще на ряд обстоятельств.

Как отмечалось, жесткость административной экономики позволяла обеспечивать стабильное развитие и устойчивый рост. Однако в конце 70-х - первой половине 80-х гг. появились признаки утрачивания плановой системой СССР данных достоинств. Существенную роль сыграло следующее.

Во-первых, еще в 60-е гг. СССР стал переходить от политики самоизоляции к активизации связей с мировым капиталистическим хозяйством. Это было обусловлено возникшими проблемами в сельском хозяйстве, которое, оплатив в свое время индустриализацию, было обескровлено настолько, что слабо реагировало на ответную «благодарность», (массовые инвестиции, поставки техники и т.п.). Это заставляло наращивать импорт продовольствия и сырья для его производства. В 80-е гг. данная группа товаров наряду с машинами и оборудованием являлась наиболее крупной статьей импорта.⁹ С другой стороны, основной статьей экспорта стали топливно-энергетические продукты. В 1985г. эта группа товаров составляла 77% в структуре экспорта в развитые капиталистические страны.¹⁰ Поскольку спрос на

сельскохозяйственную продукцию и на сырьевые ресурсы характеризуется низкой эластичностью, советская экономика стала существенно зависеть от колебаний конъюнктуры на мировом рынке. Поэтому система должна была выработать механизмы адаптации к новым переменным факторам внешней среды.

Другое важное обстоятельство, обусловившее утрату административной системой своих преимуществ в 80-е гг., связано с тем, что плановая экономика в нашей стране обеспечивала рост главным образом за счет экстенсивного расширения производства. Однако после выхода системы на границу производственных возможностей фактор редкости ресурсов блокирует экстенсивный рост, заставляя либо делать выбор в пользу новых комбинаций ресурсов, либо интенсифицировать производство. Переход к альтернативным комбинациям означает необходимость сокращения выпуска определенных видов продукции, чего в советских планах почти никогда не предусматривалось. Поэтому выход был во втором варианте.

Объективные возможности для интенсификации имелись, поскольку страна обладала мощнейшим научно-техническим потенциалом, с освоением которого всегда связывались расчеты на высокие темпы роста. Но несмотря на декларирование преимуществ социализма в использовании достижений НТР, именно в этом направлении обнаруживались трудности. Изобретения осваивались медленно и не в полном объеме. В 80-е гг. в среднем около 30% изобретений начинали использоваться более чем через 5 лет после их регистрации,¹¹ а на освоение отдельных новаций уходило по 20-30 лет!

Причиной невосприимчивости административной системы к научно-техническим достижениям следует признать противоречие между постоянной изменчивостью условий, порождаемой НТР, и ориентированностью жесткой административной экономики на *стабильное* существование в условиях внешних изменений. Сказывалась не только часто имевшая место незаинтересованность и некомпетентность лиц, обязанных содействовать продвижению новаторских идей, но и объективная невозможность точного учета возможных будущих результатов реализации этих идей. Если в западных экономиках для освоения рискованных проектов активно развивается сложная система венчурного бизнеса и прочие формы, то советские планы, нацеленные на устранение стихийности, вообще отвергали стохастические данные, ориентируясь на жестко заданные показатели (что, впрочем, не страховало от их невыполнения).

Однако наиболее значимой причиной всех отмеченных сложностей оказалось ослабление мотивов «социалистических тружеников» к эффективному хозяйствованию. Это проявилось не только в противодействии чиновников прогрессу, но и в низкой трудовой дисциплине рядовых рабочих, в проблеме «несунов», в масштабных потерях из-за

пьянства, прогулов и т.п. В 1980г в промышленности и строительстве СССР потери из-за прогулов составили 19160 тыс. человеко-дней,¹² что значительно больше, чем потери из-за забастовок в том же году в Великобритании, Франции и Японии вместе взятых - 14651 тыс. человеко-дней.¹³

Общественная собственность так и не стала фактором формирования нового отношения к труду. К 70-м гг. помимо агитационных кампаний почти не осталось способов усиления стимулов. Лозунги могут быть очень действенными. Но энтузиазм, даже очень мощный, быстро угасает, сталкиваясь с бюрократизмом, абсурдностью планов, отсутствием связи между результатами деятельности и вознаграждением или ответственностью за нее.

Роль играла не только уравниловка, но и более глубокие причины, связанные опять же с проблемой дисбаланса в отраслевой структуре экономики СССР, отличавшейся гипертрофированной долей производства средств производства. Производство предметов конечного потребления характеризовались не просто малой по сравнению с передовыми странами долей в структуре, но и неэффективностью как в плане затрат, так и в плане реакции на изменение потребностей людей.

С одной стороны, в условиях сложившейся в СССР структуры основные массовые потребности удовлетворялись. Но, как показывает практика развитых стран, такая ситуация имеет следствием нарастание индивидуализации потребностей, что становится катализатором совершенствования производства. Люди, ориентируясь все больше на потребление нестандартной продукции, развивают умения рационального выбора. Это формирует новую культуру потребления и способствует развитию личности, появлению у людей новых способностей и мотиваций к труду.

Но в нашей стране эти мотивы оказались заблокированными, конечно, не столько злой волей бюрократов, сколько объективно сложившимися особенностями системы. Советская экономика, несмотря на «Основной экономический закон социализма», практически не имела механизма обратного воздействия на основного хозяйственного агента - государство. «Разумные потребности» определялись в плановых органах на основе искаженной пресловутыми приписками и «очковтирательством» информации.

Кроме того, централизованная система, минимизируя издержки «учета и контроля», планомерно стремилась к концентрации производства каждого отдельного продукта на одном предприятии. Здесь сыграло роль абсолютизированное советской политэкономией представление классиков марксизма о концентрации производства как однозначно заданной тенденции в развитии общественного производства.

Надо полагать, во времена Маркса этот процесс был действительно одним из преобладающих в большинстве отраслей, поскольку укрупнение производства сопровождалось снижением затрат, то есть наблюдался положительный эффект роста масштаба производства.

Но современная практика показывает, что наряду с концентрацией производства не менее значимой является тенденция постоянного появления новых относительно обособленных хозяйственных единиц. На Западе об этом свидетельствует расцвет мелкого бизнеса. Кроме прочего, этот факт объясняется различиями в характере роста масштабов производства. Если для «тяжелых» отраслей минимально эффективный размер предприятий достигается при очень крупном объеме производства (поэтому в таких отраслях высока концентрация), то для большинства «потребительских» отраслей этот показатель фиксируется при относительно небольших размерах производства.

В советской плановой системе этот факт практически не учитывался. Гигантские предприятия группы «Б» были просто не в состоянии перестроить производство в соответствии с изменением потребностей населения (играла роль громоздкость системы согласования планов). Эти предприятия выпускали продукцию при достаточно высоких затратах (действовал отрицательный эффект масштаба), потребительские товары были низкого качества и не такими уж дешевыми, особенно с учетом транзакционных затрат на поиски нужных товаров, на стояние в очередях или на поддержание выгодных знакомств.

Данные проблемы заставили обратить на себя внимание. Значимость «человеческого фактора», необходимость гибкого подхода к реальным потребностям людей как условия для прогресса производительных сил (особенно личных факторов), необходимость реализации потенциалов развившихся до нового и достаточно высокого уровня ресурсов - все это в конечном счете было принято во внимание руководством страны. Но ухудшение обстановки в период перестройки показало неспособность административной системы справиться с этими задачами.

Однако и переход к радикальному реформированию до сих пор не доказал своих преимуществ. Инспирировавшая перестройку проблема структурного дисбаланса углубилась. При общем снижении уровня промышленного производства к концу 1995г до 51% по сравнению с началом 1990г. обращает на себя внимание повышение удельного веса сырьевых отраслей и отраслей низкой степени переработки¹⁴. В 1994г доля продукции добывающих отраслей в общем выпуске продукции по сравнению с 1991г увеличилась на 50%, машиностроения - снизилась на 20%, легкой промышленности - на 62%¹⁵. Высокотехнологичные производства, которые в период перестройки предполагалось усилить, находятся в тяжелом состоянии. Эти факты свиде-

тельствует о реальности перспектив превращения страны в сырьевой придаток.

По поводу возвращения к директивной системе, не углубляясь в данный вопрос, обратим внимание лишь на то, что характер структуры хозяйства, которую требуется создать для приближения к уровню передовых стран, исключает успех большевистских методов. Для вхождения в «постиндустриальный» мир необходима реализация интеллектуальных ресурсов, а добиться этого идеологическим или тем более физическим принуждением практически невозможно. Трудность здесь представляет не только стимулирование «интеллектуалов», но и отторжение директивной системой той изменчивости, которая внутренне присуща информационным производительным силам.

Поэтому ни коммунистическая экономическая политика, ни либеральные реформы благоприятного результата в обозримом будущем дать не смогут: либо вновь изолируемся от мира и останемся на индустриальном этапе, либо окажемся в «третьем мире».

Но это не означает, что между «крайними» вариантами не существует иных путей. Нацеленность преобразований на создание рынка должна быть сохранена, но роль государства в этом процессе требует принципиального изменения.

Мировой экономический опыт и экономическая теория убедительно доказывают, что в основе систем, способных к динамичному устойчивому саморазвитию, оперативно реагирующих как на развивающиеся потребности людей, так и на изменения потенций производственных ресурсов, лежат рыночные отношения, которые помимо прочего позволяют ассимилировать самые разнообразные формы взаимодействия хозяйственных агентов.

Производительные силы в нашей стране характеризуются чрезвычайным разнообразием, что исключает эффективную их реализацию в условиях унифицированной системы, в которой превалирует только одна форма взаимодействий, например, централизованно-государственная или классическая частная собственность. Буквально для каждого хозяйственного процесса могут быть найдены уникальные способы организации, позволяющие максимизировать эффективность, что предполагает учет потребностей и мотивов участников процесса, учет особенностей применяемых производственных ресурсов и нахождение таких форм их связи, которые в наибольшей степени соответствуют этим особенностям, а также характеру внешней среды.

В условиях глубоких диспропорций в структуре хозяйства рынок если и способен преодолеть данные проблемы, то лишь в течение очень длительного времени. В более приближенной перспективе, как показывает сегодняшняя отечественная практика, а равным образом и

опыт зарубежных стран, оказавшихся в положении отставших, однозначная нацеленность на свободный рынок более ухудшает ситуацию, ведет не столько к задействованию всей сложной совокупности имеющихся потенциалов, сколько к упрощению этой совокупности, что в наших условиях выражается в «утяжелении» хозяйственной структуры.

В связи с этим мы считаем не обоснованным подход, согласно которому активное использование инструментов государственного вмешательства возможно лишь после окончательного уничтожения структур директивной экономики и создания основ рынка. Структуры директивной системы могут быть и сохранены и использованы. Однако, государственное вмешательство предполагает не только директивные методы, действующие в одном направлении - от командных структур к исполнительным, но и индикативные, не подавляющие самостоятельности тех, на кого они распространяются, а лишь создающие для них условия, в рамках которых допускается более или менее широкая инициатива. Кроме того, активное государственное воздействие на экономику предполагает различные конечные цели. Так, если в СССР плановое руководство было направлено не только на создание индустриальной структуры, но и на максимально возможное вытеснение товарно-денежных отношений, то в странах АТР решение структурных проблем предполагало одновременное развитие рыночных отношений и соответствующих институтов.¹⁶ Очевидно, сегодня для России предпочтительнее второй из этих вариантов, нацеленность на параллельное решение задач по созданию основ рыночной системы и по укреплению наиболее перспективных отраслей хозяйства. Данные цели и меры по их реализации, как известно, определяют содержание так называемой *политики индустриальной стратегии*, посредством которой Япония, Южная Корея и другие страны продемонстрировали миру то, что называют «экономическим чудом».

При выборе конкретных методов осуществления политики индустриальной стратегии, как свидетельствует опыт названных стран, необходимо учитывать характер меняющихся условий и конкретных задач. Возможно применение всех известных методов государственного воздействия, в том числе и жестких директивных, хотя последние должны распространяться на достаточно узкие сферы, постепенно заменяться индикативными; а в конечном итоге возможно и полное устранение государства из данной сферы с предоставлением в ней свободы рыночным отношениям. Заметим, что в высокотехнологичных отраслях, в которых изменчивость условий очень значительна, предпочтительнее использование индикативных мер, реализующихся, как известно, в основном через денежно-кредитную и финансовую политику. Это значит, обязательным условием действенности таких мер должно быть сбалансированное денежное обращение. Поэтому жест-

кая антиинфляционным индустриальным

Однако, признавая, что пор фактически развития экономики ее экономич

К напруги в наших секторах на решения со стороны требующих

Федерация не имеет выхода. На самом деле, ответственную индустриальную финансовую отрасль уже перегружены государственными за счет только небы-

Однако, не только кому-то смыслов, в Чилинской администрации о сбалансированности по реализации

На вопросы не только финансово-перспективных случаев в других предприятиях региональных предприятий, вы-

кая антиинфляционная политика также является обязательным элементом индустриальной стратегии.

Однако по поводу сегодняшней политики российского правительства, признавая оправданность антиинфляционных мер, приходится признать, что они носят самодовлеющий характер, поскольку до сих пор фактически не принято мер, нацеленных на определение приоритетов развития и на формирование хозяйственной структуры, которая позволила бы стране занять в мировом хозяйстве место, соответствующее ее экономическому потенциалу.

К наиболее сложным задачам политики индустриальной стратегии в нашей стране сегодня относится определение «точек роста», секторов наиболее перспективных для технического прогресса и для решения социальных, экологических и прочих проблем и в то же время требующих государственной поддержки.

Федеральное руководство по данному вопросу продолжает занимать выжидательную позицию, ссылаясь на бюджетные трудности. На самом деле стимулирование «точек роста» предполагает и государственную инвестиционную поддержку, а значит и определение источников финансирования. Как правило, сегодня рассчитывают на отдельные отрасли и предприятия ТЭК и ВПК, однако эти источники либо уже перегружены фискальным прессингом, либо сами претендуют на государственную поддержку. Очевидно, даже при благоприятных условиях за счет данных секторов можно будет поддержать лишь относительно небольшую часть наиболее перспективных проектов.

Однако возможности решения названных проблем следует искать не только на федеральном, но и на региональных уровнях. В каком-то смысле вопрос о «точках роста» стал даже модным. Так, например, в Читинской области во время выборов глав областной и городской администрации в 1996 г многие кандидаты в различных вариантах заявляли о своих намерениях решить этот вопрос. Очевидно, такие декларации должны подкрепляться и предложениями о конкретных мерах по реализации. Но именно здесь и обнаруживаются наибольшие трудности.

На наш взгляд, в региональной политике при решении данного вопроса необходимо уделять внимание не только проблеме определения финансовых источников поддержки «точек роста», но и определению перспектив спроса на продукцию конкретных производств. В данном случае могут быть использованы методы, уже испытанные практически в других странах¹⁷. Как правило, «точками роста» становятся не предприятия базовых отраслей, восстановлению которых чаще всего региональные руководители придают первостепенное значение, а предприятия, выпускающие продукцию конечного потребления. В данном

случае необходимо определить субъектов спроса, оценить эластичность спроса по доходу, емкость и возможность расширения рынка сбыта и т.д.

Кроме того, такие предприятия меньше потребляют материальные ресурсы, ориентируясь на наиболее доступные и дешевые местные ресурсы, быстрее окупают затраты и в большей степени позволяют задействовать рабочую силу, что в конечном счете благоприятствует повышению занятости и уровня доходов населения.

В диагностике «точек роста» на региональном уровне чрезвычайно важное значение могут приобрести также исследования процессов адаптации хозяйствующих субъектов к изменяющимся в результате рыночных реформ условиям. Такого рода исследования проводятся в России¹⁸, но нацелены они главным образом на оценку общих качественных результатов приватизации. На региональном уровне выявление руководителей и коллективов предприятий, сумевших в наибольшей степени освоить принципы рыночного поведения, должно иметь и практическое значение при выработке структурной политики, в частности, для решения вопроса о «точках роста». Залогом успеха при этом, думается, должны стать согласованные действия регионального руководства, предпринимателей, директоров предприятий и научных работников.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Народное хозяйство СССР в 1988 г.: Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. - М.: Финансы и статистика, 1989. - С. 680.
- ² Экономика переходного периода / Под. ред. В.В. Радаева, А.В. Бузгалина. - М.: Изд-во МГУ, 1995. - С. 32.
- ³ Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. - М.: Евразия, 1995. - С. 188-203.
- ⁴ Перламутров В.Л. О переходе к рынку в условиях экономического кризиса // Экономика и математические методы. - 1994. - Т. 30, вып. 2. - С. 55.
- ⁵ Гайдар Е.Т. Указ. соч.; Данилов-Данильян В.И. Бегство к рынку. - М.: Дело, 1991; Мау В.А. Реформы и догмы. - М.: Дело, 1993; Рачков М.П. Политико-экономические прогнозы в истории России. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1993.
- ⁶ Краснов В. Обоснование перестройки: ложные подходы // Вопросы экономики. - 1991. - № 6.
- ⁷ Народное хозяйство СССР в 1989 г.: Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. - М.: Финансы и статистика, 1990. - С. 333.
- ⁸ Никитин С., Гельвановский М. Где же мы? (Экономика СССР с позиций международных сопоставлений) // Мировая экономика и международные отношения. - 1990. - № 1. - С. 31.
- ⁹ Народное хозяйство СССР в 1989 г. - С. 665.
- ¹⁰ Там же. С. 663.
- ¹¹ Там же. С. 298.
- ¹² Там же. С. 72.
- ¹³ Современный капитализм: Соц.-экон. Справочник / Под ред. А.Г. Милейковского. - М.: Политиздат, 1985. - С. 236-237.
- ¹⁴ Россия на пути к 2000 году // Вопросы экономики. - 1996. - № 2. - С. 17.
- ¹⁵ Сутягин В.С. Некоторые результаты экономических реформ 1991-1994 годов // Проблемы прогнозирования. - 1995. - № 5. - С. 4.

¹⁸ Хруцкий В.Е. Ю.
Роль государства
журнал. - 1993. - № 1.
¹⁷ Хруцкий В.Е. У.
¹⁶ Белянова Е. Мо.
1995. - № 6.

НЕ
СОЦИАЛ
(И
С любе
во-налого
дается

арксит
М единст
го анал
потребитель
себе могиль
обязательно
вом. Маркс
щества. Ново
наметив гене
сы и модели
Побел
ислама и ле
арству. Попп
беды Оксфор
ления о том,
Кроме «обли
кандидации т
теории не бы
вести полити
му संबавно